

УДК 343.2/.7

DOI 10.5281/zenodo.17648244

Писаренко Е. А., Шигонин А. Б.

Писаренко Елизавета Анатольевна, РГУП им. В.М. Лебедева, д. 69, ул. Новочеремушшинская, Москва, Россия, 117418. E-mail: yelizaveta.pisarenko.2003@mail.ru.

Шигонин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент, РГУП им. В.М. Лебедева, д. 69, ул. Новочеремушшинская, Москва, Россия, 117418. E-mail: yelizaveta.pisarenko.2003@mail.ru.

Актуальные подходы к определению признаков соучастия в хищениях в современном уголовном праве России

Аннотация. В статье анализируются современные подходы к определению признаков соучастия в хищениях в уголовном праве России. Рассмотрены объективные и субъективные критерии квалификации преступлений против собственности, совершенных в соучастии. Выявлены проблемы законодательной конструкции понятия соучастия и выделены особенности его применения к различным формам хищений. Установлено, что существующая нормативная база требует совершенствования в части конкретизации понятия субъекта преступления при соучастии и более четкого разграничения форм соучастия при квалификации хищений. Предложены направления модернизации уголовно-правовых норм о соучастии для повышения эффективности правоприменительной практики в сфере противодействия групповым посягательствам на собственность.

Ключевые слова: хищение, соучастие в преступлении, объективные признаки, субъективные признаки, группа лиц, предварительный сговор, организованная группа, квалификация преступлений, дифференциация ответственности, уголовное законодательство.

Pisarenko E. A., Shigonin A. B.

Pisarenko Elizaveta Anatolyevna, Lebedev Russian State Unitary Enterprise, 69 Novocheremushkin Street, Moscow, Russia, 117418. E-mail: yelizaveta.pisarenko.2003@mail.ru.

Shigonin Alexander Borisovich, Candidate of Law, Associate Professor, V.M. Lebedev Russian State Unitary Enterprise, 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, Russia, 117418. E-mail: yelizaveta.pisarenko.2003@mail.ru.

Current approaches to defining characteristics of complicity in theft in modern Russian criminal law

Abstract. The article analyzes modern approaches to defining characteristics of complicity in theft in Russian criminal law. The objective and subjective criteria for qualifying crimes against property committed in complicity are examined. The problems of the legislative construction of the concept of complicity are identified, and the peculiarities of its application to various forms of theft are highlighted. It is established that the existing regulatory framework requires improvement in terms of specifying the concept of the subject of crime in complicity and more clearly differentiating forms of complicity in the qualification of theft. Directions for moderniz-

ing criminal law norms on complicity are proposed to increase the effectiveness of law enforcement practice in countering group encroachments on property.

Key words: theft, complicity in crime, objective features, subjective features, group of persons, preliminary conspiracy, organized group, qualification of crimes, differentiation of responsibility, criminal legislation.

Институт соучастия в преступлении является одним из наиболее сложных и дискуссионных в современном уголовном праве России. Особую значимость данный институт приобретает в контексте хищений, поскольку преступления против собственности часто совершаются группами лиц, что существенно повышает их общественную опасность. Статистические данные свидетельствуют о сохранении устойчивой тенденции к совершению хищений в различных формах соучастия, что объясняется не только социально-экономическими факторами, но и психологическими особенностями группового поведения, когда совместная преступная деятельность существенно облегчает достижение противоправной цели.

В современной уголовно-правовой науке сложились различные концептуальные подходы к пониманию института соучастия в преступлениях против собственности. Н.А. Гасимова обращает внимание на недостатки законодательной формулировки понятия соучастия, указывая на явную тавтологию — соучастие определяется через «совместное участие», что с позиций юридической техники представляется неудачным решением [1, с. 51]. Исследователь подчеркивает, что правовая дефиниция не отражает в себе критерия субъекта преступления, а лишь закрепляет, что для установления соучастия необходимо, чтобы преступление было совершено минимум двумя лицами. По мнению автора, данный правовой пробел порождает формирование на практике сложности в квалификации соучастия, если среди участников присутствует лицо, не соответствующее требованиям, предъявляемым к субъекту преступления [1, с. 52].

Действующее законодательство определяет соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Данная дефиниция, хотя и закреплена в уголовном законе, вызывает справедливую критику со стороны многих исследователей. Более корректным был бы подход, при котором соучастие понимается как совместная умышленная деятельность нескольких субъектов преступления, направленная на достижение единого преступного результата [1, с. 51].

Принципиально важным является вопрос о том, что законодательная формулировка не содержит прямого указания на субъект преступления, а говорит лишь о «лицах». Это создает определенную неопределенность в правоприменительной практике, когда требуется решить вопрос о наличии соучастия в ситуациях, когда один из участников преступления не обладает признаками субъекта (например, является невменяемым или не достиг возраста уголовной ответственности). Как обоснованно указывает А.К. Сухорук, при совершении объективной стороны преступления совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, и установлении факта того, что субъект преступления рассчитывал на помощь несубъекта, требуется вменение субъекту преступления признака соучастия [9, с. 607]. Представляется более логичным и обоснованным подход, при котором в определении соучастия содержалось бы прямое указание на то, что соучастниками могут быть только лица, обладающие признаками субъекта преступления [1, с. 52].

В теории уголовного права характеристики соучастия дифференцируются на две основные категории: внешние (объективные) и внутренние (субъективные).

А.В. Калиничева детально анализирует объективные признаки соучастия, относя к ним количественный признак (участие двух или более лиц) и качественный признак (совместность действий). Субъективным признаком выступает умышленное отношение к совершаемому совместно умышленному преступлению [3, с. 114]. К внешним относят множественность участников преступного деяния и координированность их действий. Внутренние же включают осознанность противоправного характера совершаемых действий и согласованность психического отношения всех соучастников к совершаемому деянию.

Множественность участников как обязательная характеристика соучастия требует вовлечения минимум двух персон, каждая из которых соответствует юридическим критериям субъекта преступного деяния. Применительно к хищениям чужой собственности данное требование приобретает критическую важность в ситуациях, когда в противоправное посягательство вовлекаются несовершеннолетние, не достигшие возрастного порога уголовной ответственности. В.В. Семенова отмечает, что в современной правоприменительной практике под лицами понимаются лица, участвующие в совершении преступления, независимо от того, являются ли они субъектами преступления. Однако по общему правилу такие случаи нельзя признавать соучастием [7, с. 65]. Автор подчеркивает, что, согласно правоприменительному толкованию, они признаются совершенными в соучастии, что аргументируется тем, что в уголовном праве объективное вменение недопустимо, и по правилам фактической ошибки требуется квалификация по умыслу лица [7, с. 66]. Правоприменительная практика в таких обстоятельствах не допускает применения квалифицирующего элемента «группой лиц», поскольку юридически значимое соучастие формируется только при наличии не менее двух лиц, полностью удовлетворяющих нормативным требо-

ваниям к субъекту преступного посягательства [3, с. 114].

Качественный признак соучастия — совместность деятельности — подразумевает, что действия каждого соучастника находятся во взаимосвязи и взаимобусловленности с действиями других, образуя единое преступное деяние. В хищениях совместность может проявляться в различных формах: от простого распределения ролей при совершении кражи до сложной координации действий при совершении мошенничества в особо крупном размере. При этом важно, что каждый соучастник вносит свой вклад в достижение общего преступного результата, даже если не выполняет всех действий, составляющих объективную сторону хищения [10, с. 547].

Внутренняя психологическая составляющая соучастия при преступном завладении чужим имуществом обладает рядом характерных особенностей. Преднамеренность поведения участников криминального события означает, что каждое задействованное лицо не только осмысливает социальную вредоносность собственных поступков, но и адекватно воспринимает противозаконные действия своих сообщников. Более того, каждый соучастник прогнозирует вероятное или неминуемое наступление деструктивных последствий, выражающихся в материальных потерях для законного владельца имущества, и либо стремится к возникновению таких последствий, либо спокойно относится к их вероятному наступлению, принимая их как допустимый результат совместных противоправных действий.

Особенностью хищений является наличие корыстной цели как обязательного признака субъективной стороны. Возникает вопрос: должна ли корыстная цель присутствовать у всех соучастников? По мнению большинства исследователей, для квалификации действий лица как соучастия в хищении достаточно, чтобы он осознавал наличие корыстной цели у исполнителя и способствовал ее достижению. При этом мотивы самого соучастника могут быть различными: от

корыстных до мести, зависти и т. д. [8, с. 94].

Формы соучастия в хищениях имеют существенное значение для квалификации и назначения наказания. Нормативно-правовая база России закрепляет четырехуровневую градацию совместной преступной деятельности: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). А.В. Куликов и Д.В. Перцев подчеркивают, что каждая из перечисленных категорий характеризуется уникальным набором юридически значимых параметров и предполагает дифференцированный подход к назначению наказания. Авторы отмечают необходимость введения новой формы «идеального соучастия» наряду с применяемым термином «идеальная совокупность преступлений», что позволит облегчить практическое применение норм Общей и Особенной части УК РФ для квалификации преступлений с соучастием [4, с. 84]. Каждая из перечисленных категорий характеризуется уникальным набором юридически значимых параметров и предполагает дифференцированный подход к назначению наказания.

Примечательно, что современная редакция уголовного кодекса при квалификации большинства имущественных преступлений игнорирует такой отягчающий элемент как «совершение без предварительной договоренности несколькими лицами». Данный пробел порождает существенные затруднения в судебной деятельности: правоприменители вынуждены инкриминировать исполнителям основной состав преступления, одновременно учитывая факт группового исполнения лишь как обстоятельство, отягчающее наказание. А.С. Фисун справедливо указывает, что подобный законодательный подход вызывает обоснованные сомнения в своей корректности, поскольку игнорирует значительно более высокую социальную опасность даже спонтанно сформировавшейся преступной группы по сравнению с единоличным исполните-

лем [10, с. 549]. Автор отмечает, что законодателю следует рассмотреть вопрос о внесении изменений в п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, изложив ее в новой редакции: «2. Кража, совершенная: а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору» [10, с. 552].

Группа лиц по предварительному сговору характеризуется наличием договоренности о совместном совершении хищения, достигнутой до начала выполнения объективной стороны. Данная форма соучастия является наиболее распространенной для хищений. При этом в практике возникают вопросы о моменте, с которого сговор считается предварительным. Преобладающая позиция заключается в том, что сговор признается предварительным, если он достигнут до начала выполнения объективной стороны хищения. Если же договоренность о совместном совершении хищения возникла уже в процессе его совершения, то речь идет о группе лиц без предварительного сговора [10, с. 550].

Организованная группа является структурно более совершенной моделью коллективной противоправной активности, отличительными характеристиками которой выступают долговременность существования, четкая иерархия с выделенным руководящим звеном, предварительная детальная разработка алгоритмов криминальной деятельности и функциональная специализация каждого члена преступного сообщества в рамках общего противозаконного замысла. В контексте хищений организованная группа может специализироваться на определенных видах хищения (например, квартирных кражах, мошенничестве в сфере страхования и т.д.) либо иметь более широкий профиль преступной деятельности. Все члены организованной группы, независимо от выполняемой роли, признаются соисполнителями [5, с. 539].

Преступное сообщество (преступная организация) является наиболее опасной формой соучастия, создаваемой для совершения тяжких или особо тяжких пре-

ступлений. Историко-правовой анализ, проведенный Г.В. Цебековой с соавторами, показывает, что институт соучастия прошел длительный путь развития от первых упоминаний в Русской Правде до современной четырехуровневой градации совместной преступной деятельности в действующем УК РФ [11, с. 78]. В сфере хищений преступные сообщества обычно ориентированы на систематическое совершение крупных и особо крупных хищений, нередко с использованием коррупционных связей в правоохранительных и государственных органах.

Виды соучастников в хищениях определяются в соответствии с общими положениями уголовного закона: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Как отмечает Ю.З. Озмян, каждый из них имеет свою специфику применительно к хищениям, что требует учета при назначении уголовной ответственности [6, с. 359]. Каждый из них имеет свою специфику применительно к хищениям.

Основной реализатор преступного замысла при посягательстве на собственность — это исполнитель, то есть субъект, который фактически воплощает в жизнь незаконное отторжение материальных ценностей от их владельца или реализует иные поведенческие акты, формирующие фактическую сторону конкретного вида имущественного преступления. Практические действия такого участника варьируются в зависимости от юридической модификации посягательства: для тайного хищения характерно скрытное завладение, для грабежа — демонстративное изъятие в присутствии потерпевшего или очевидцев, для мошеннических схем — манипуляции с использованием недостоверной информации или эксплуатация межличностного доверия и т. п. [6, с. 359].

Организатор хищения — лицо, организовавшее совершение хищения или руководившее его исполнением. Он может разрабатывать план хищения, подбирать соучастников, распределять роли, обеспечивать необходимыми средствами и т.

д. В практике расследования хищений нередко возникают сложности с выявлением организатора, особенно в случаях, когда он не принимает непосредственного участия в исполнении преступления.

Подстрекатель к хищению — лицо, склонившее другое лицо к совершению хищения путем уговора, подкупа, угрозы или иным способом. Подстрекательство должно быть конкретным, то есть направленным на совершение определенного хищения, а не на преступную деятельность вообще.

Пособник в хищении — лицо, содействующее совершению хищения советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем. При хищениях пособничество может выражаться в самых разнообразных формах: от предоставления информации о месте хранения имущества до обеспечения транспортом для вывоза похищенного [6, с. 360].

Значительные трудности при юридической оценке коллективных посягательств на собственность возникают при необходимости точной дифференциации функциональных обязанностей каждого участника криминального события, особенно в ситуациях, когда фактическая сторона преступления реализуется совместными усилиями нескольких лиц. Согласно устоявшимся подходам в правоприменении, участник преступной группы рассматривается как соисполнитель имущественного преступления в случаях, когда он лично принимал деятельное участие в операциях по отчуждению ценностей от законного обладателя и/или в последующем обращении этих ценностей в пользу преступной группы.

При этом не обязательно, чтобы каждый из соисполнителей выполнял все действия, составляющие объективную сторону; достаточно, чтобы он выполнил хотя бы часть таких действий.

Отдельного внимания заслуживает проблема соучастия в специальных видах

хищения — хищении предметов, имеющих особую ценность, хищении оружия и боеприпасов, хищении наркотических средств и психотропных веществ и др. З.Г. Дербок справедливо подчеркивает, что специфика соучастия в таких хищениях обусловлена особенностями предмета посягательства и субъективной стороны преступления [2, с. 449]. Автор указывает, что правовая природа специальных видов хищения обусловлена также спецификой предмета таких хищений, что требует особого подхода к квалификации соучастия в них [2, с. 450]. Специфика соучастия в таких хищениях обусловлена особенностями предмета посягательства и субъективной стороны преступления [2, с. 449].

При хищении предметов, имеющих особую ценность, важно установить, осознавали ли все соучастники особую ценность похищаемых предметов. Если такое осознание отсутствует у кого-либо из соучастников, то его действия не могут быть квалифицированы как соучастие в данном специальном виде хищения, а подлежат квалификации как соучастие в соответствующей «общей» форме хищения [2, с. 450].

Аналогично, при хищении наркотических средств необходимо установить, осознавал ли соучастник, что предметом хищения являются именно наркотические средства. При этом возникает вопрос о необходимости наличия у соучастника специальной цели (например, цели сбыта или личного потребления). Преобладающая позиция заключается в том, что для квалификации действий как соучастия в хищении наркотических средств достаточно осознания характера похищаемого предмета, при этом мотивы и цели могут быть иными, нежели у исполнителя [2, с. 451].

Применительно к хищениям, совершаемым специальным субъектом (например, присвоение или растрата), возникает вопрос о возможности соучастия лиц, не обладающих признаками специального субъекта. Согласно дей-

ствующему законодательству, такие лица могут нести ответственность как организаторы, подстрекатели или пособники, но не как соисполнители данного преступления.

В контексте совершенствования правового регулирования соучастия в хищениях представляется целесообразным внести ряд изменений в действующее законодательство. В частности, предлагается уточнить законодательное определение соучастия, дополнив его указанием на то, что соучастниками могут быть только лица, обладающие признаками субъекта преступления. Это позволит устранить неопределенность в вопросе о возможности признания соучастием ситуаций, когда один из участников не подлежит уголовной ответственности [1, с. 53].

Также представляется необходимым более четко разграничить формы соучастия в хищениях, конкретизировав критерии устойчивости и организованности преступных групп. Это особенно важно для правильной квалификации хищений, совершаемых организованными группами, которые представляют повышенную общественную опасность.

Целесообразно внести изменения в статьи Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за различные виды хищений, предусмотрев в них квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц» (без предварительного сговора).

Представляется обоснованным инициировать корректировку специализированных норм Особенной части уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за разнообразные формы незаконного завладения чужим имуществом, дополнив их отягчающим элементом «совершение преступления группой лиц» (при отсутствии предшествующей договоренности между участниками).

Это позволит более дифференцированно подходить к оценке общественной опасности групповых хищений и обеспе-

чить справедливое наказание за их совершение [10, с. 552].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что проблематика соучастия в хищениях остается одной из наиболее актуальных в современном уголовном праве России. Дальнейшее развитие теоретических представлений и совершенствование правоприменительной практики в данной

сфере требуют комплексного подхода, учитывающего как общие принципы уголовного права, так и специфику конкретных видов хищений. Такой подход обеспечит эффективное противодействие групповой преступности в сфере посягательств на собственность при строгом соблюдении принципов законности, справедливости и гуманизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гасимова Н.А. Понятие и признаки преступлений, совершаемых в форме соучастия: проблемы определения // *Lex criminalis scientiarum*. 2024. Т. 1. № 1(1). С. 49–54.
2. Дербок З.Г. Институт специальных видов хищения: признаки, предопределяющие его формирование // *Институциональные основы уголовного права РФ: Сборник материалов международной научно-практической конференции*. Краснодар, 2024. С. 448–453.
3. Калининцева А.В. Характеристика признаков соучастия в преступлении // *Уголовное право: вопросы теории и практики: Сборник докладов*. СПб.: Астерион, 2023. С. 113–117.
4. Куликов А.В., Перцев Д.В. Виды и формы соучастия: теоретико-практическое исследование // *Криминологический журнал*. 2024. № 1. С. 81–86.
5. Лупанова А.Р. Институт соучастия: проблемы и перспективы развития // *Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей*. Симферополь, 2024. С. 537–541.
6. Озмаян Ю.З. Виды соучастников преступления и особенности их уголовной ответственности // *Государство и право: Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции*. Новосибирск, 2021. С. 359–360.
7. Семенова В.В. Понятие и признаки соучастия в преступлении: вопросы теории и практики // *Закон. Право. Государство*. 2024. № 4(44). С. 65–66.
8. Серков Ф.А. Понятие и признаки хищения в уголовном праве России // *Научные исследования в современном мире: Сборник научных статей*. Уфа, 2023. С. 92–96.
9. Сухоруков А.К. Признаки соучастия в преступлении и проблемы их реализации // *Правовые взгляды Анатолия Федоровича Кони и их влияние на развитие судебной системы: Сборник научных статей*. Ижевск, 2024. С. 604–611.
10. Фисун А.С. Некоторые проблемы уголовной ответственности за хищение в соучастии // *Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов IX Международной конференции / СПб.: Астерион, 2022. С. 544–551.*
11. Цебекова Г.В., Лиджиева А.А., Лиджиева Э.Э., Кикильдева К.А. Историко-правовой анализ законодательной регламентации соучастия в преступлении в России и зарубежных странах // *Актуальные вопросы современного общества, науки и образования*. Пенза, 2023. С. 72–81.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gasymova N.A. Ponjatie i priznaki prestuplenij, sovershaemyh v forme souchastija: problemy opredelenija // *Lex criminalis scientiarum*. 2024. T. 1. № 1(1). S. 49–54.
2. Derbok Z.G. Institut special'nyh vidov hishhenija: priznaki, predopredel'jajushhie ego formirovanie // *Institucional'nye osnovy ugolovnogo prava RF: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Krasnodar, 2024. S. 448–453.
3. Kalinicheva A.V. Harakteristika priznakov souchastija v prestuplenii // *Ugolovnoe pravo: voprosy teorii i praktiki: Sbornik dokladov*. SPb.: Asterion, 2023. S. 113–117.
4. Kulikov A.V., Percev D.V. Vidy i formy souchastija: teoretiko-prakticheskoe issledovanie // *Kriminologicheskij zhurnal*. 2024. № 1. S. 81–86.
5. Lupanova A.R. Institut souchastija: problemy i perspektivy razvitija // *Voprosy sudebnoj dejatel'nosti i pravoprimeneniya v sovremennyh uslovijah: Sbornik statej*. Simferopol', 2024. S. 537–541.

6. Ozmanjan Ju.Z. Vidy souchastnikov prestuplenija i osobennosti ih ugovnoj otvetstvennosti // Gosudarstvo i pravo: Materialy 59-j Mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii. Novosibirsk, 2021. S. 359–360.
7. Semenova V.V. Ponjatie i priznaki souchastija v prestuplenii: voprosy teorii i praktiki // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. 2024. № 4(44). S. 65–66.
8. Serkov F.A. Ponjatie i priznaki hishhenija v ugovnom prave Rossii // Nauchnye issledovanija v sovremennom mire: Sbornik nauchnyh statej. Ufa, 2023. S. 92–96.
9. Suhorukov A.K. Priznaki souchastija v prestuplenii i problemy ih realizacii // Pravovye vzgljady Anatolija Fedorovicha Koni i ih vlijanie na razvitie sudebnoj sistemy: Sbornik nauchnyh statej. Izhevsk, 2024. S. 604–611.
10. Fisun A.S. Nekotorye problemy ugovnoj otvetstvennosti za hishhenie v souchastii // Ugovnaja politika i pravoprimitel'naja praktika: Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj konferencii / SPb.: Asterion, 2022. S. 544–551.
11. Cebekova G.V., Lidzhieva A.A., Lidzhieva Je.Je., Kikil'deeva K.A. Istoriko-pravovoj analiz zakonodatel'noj reglamentacii souchastija v prestuplenii v Rossii i zarubezhnyh stranah // Aktual'nye voprosy sovremennogo obshhestva, nauki i obrazovanija. Penza, 2023. S. 72–81.

Поступила в редакцию: 10.10.2025.

Принята в печать: 21.11.2025.